

От редколлегии.

20 лет назад в СССР по инициативе реформаторской части руководства КПСС, «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы», начался гигантский по замыслу и масштабам социальный эксперимент, вошедший в историю под названием «перестройка Горбачева». Прошло немногим более шести лет, и осенью 1991 года этот эксперимент закончился большой драмой, переросшей затем в трагедию – распад единого государства. В течение прошедших с тех пор лет вокруг перестройки шли ожесточенные споры. В основном о том, почему она закончилась столь трагично и о том, могла ли она вообще завершиться победой. Об этом, мы уверены, будут дискутировать еще много лет, забывая, подчас, что надо сначала разобраться в таких фундаментальных вопросах, как: можно ли было вообще реформировать общественно-политическую систему, созданную в СССР в предыдущие десятилетия?; если можно было, то насколько радикально?; каким образом это можно ли было сделать так, чтобы добиться успеха? Решаясь и начиная радикальные преобразования, их инициаторы, к сожалению, нечасто задаются такими вопросами, а действуют по известному наполеоновскому принципу: «надо сначала ввязаться в бой, а там будет видно». Нередко бывает и так, что времени на теоретические поиски и долгие раздумья не остается совсем, критическая ситуация диктует свои подходы и методы действий и требует быстрых решений. В такой ситуации реформаторы становятся ее заложниками и вынуждены действовать не «по науке», а как диктуют обстоятельства. Тем не менее, проблема теоретического осмысления трансформации политических систем остается весьма актуальной. Учитывая это, редколлегия решила еще раз вернуться к теме перестройки, дав слово одному из наших постоянных авторов.

Я.А. Пляйс

**К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПАРТИЙНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
(попытка теоретического осмысления опыта перестройки в СССР)**

«Любая монополия ведет к загниванию» – этот хорошо известный классический тезис в полной мере относится и к политической сфере жизни общества. Застой в политической и, как следствие, в экономической, социальной сферах, бюрократизация

управления неизбежно приводит сначала к ухудшению важнейших социальных и экономических показателей, а затем и к глубокому системному кризису. Об этом красноречиво свидетельствует опыт нескольких десятков социалистических стран и других однопартийных режимов.

Не ставя под сомнение аксиоматичность тезиса о том, что «любая монополия ведет к загниванию», отмечу, что он в полной мере справедлив в отношении *абсолютной, или тотальной* монополии. Но при ограниченной монополии, когда основная власть, или, образно говоря, контрольный пакет акций находится в руках одной партии, победившей на выборах (именно поэтому это монополия), а остальное принадлежит оппозиции, – картина иная. Ограниченная монополия дает, в конкретный период времени, право и возможность господствующей партии осуществлять власть, но с оглядкой на волю и реакцию народа и политической оппозиции. В отличие от тотальной монополии, ограниченная, как мне представляется, достаточно продуктивна и вполне естественна, поскольку любая власть, даже подлинно демократическая, по природе авторитарна и по определению предполагает персональную ответственность людей, облеченных властью, за принятие и осуществление решений. Именно в этом смысле любая власть авторитарна и монопольна в конкретный момент времени. Но монополия эта должна быть ограниченной, ибо только такая монополия, в отличие от абсолютной, не ведет к самоуничтожению.

Переход от абсолютной монополии к ограниченной, или своеобразному демократическому авторитаризму – это как раз то, что должно заботить правящую партию, которая стремится сохранить свою власть, хотя бы на условиях ее ограничения.

Именно это и попыталась осуществить *реформаторская часть руководства КПСС* в конце 80-х годов, когда начала процесс перераспределения власти.

В соответствии с программой реформ политической системы, в том числе конституционной реформы, принятой XIX конференцией КПСС, состоявшейся 28 июня – 1 июля 1988 г., 1 декабря того же года, эта программа начала реализовываться: были приняты Законы СССР «Об изменениях и дополнениях к Конституции (Основному Закону) СССР», «О выборах народных депутатов СССР на альтернативной основе». Кроме того был учрежден Съезд народных депутатов, должность председателя ВС СССР, избираемого съездом. Вводились выборы депутатов на альтернативной основе всех уровней. 750 депутатов съезда должны были избираться от общественных организаций (КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов, творческих союзов и др.).

Альтернативность и ее неизбежная спутница конкуренция начали проникать даже в такую консервативную сферу, как образование. Так, например, состоявшийся 20 декабря 1988 г. Всесоюзный съезд учителей принял решение об издании альтернативных учебников по каждой дисциплине и праве школ выбирать наиболее подходящие для них учебники.

В 1988 г. начался и другой бурный процесс – неформальные группы и организации стали трансформироваться в политические объединения, на основе которых в последующие годы создавались политические партии. Начало этому процессу было положено в январе–марте 1990 г. Именно в это время были образованы «Демократическая Россия» (20 января), «Демократическая платформа в КПСС» (20–21 января), состоялся учредительный съезд «Марксистской рабочей партии – партии диктатуры пролетариата» (24 марта) и т.д.

В последующие месяцы этого же года процесс партийного строительства бурно продолжался. 8 апреля состоялись учредительные съезды Российского христианско-демократического движения и Республиканской народной партии, две недели спустя (22–24 апреля) – Учредительный съезд Народно-православной партии, затем Учредительный съезд Социал-демократической партии России (СДПР) и т.д.¹

В этот же период происходили глубокие перемены в самой правящей партии. 5–7 февраля 1990 г. расширенный пленум ЦК КПСС принял платформу для XXVIII съезда КПСС. В ней шла речь об отмене 6-й статьи Конституции СССР, установлении многопартийной системы, о введении президентского правления и разделении властей.

Не менее значимые процессы протекали в это время и в сфере экономики. 6 марта 1990 г. был принят «Закон о собственности в СССР», который, среди прочего, вводил частную собственность на жилье членов кооперативов, полностью выплативших свой пай. Вскоре последовали другие акты, разрешавшие частную собственность в других сферах. Закон РСФСР «О частной собственности в РСФСР», принятый 24 декабря 1990 г., узаконил частную собственность и ввел понятие «Муниципальная собственность».

Можно было бы и дальше продолжить перечисление перемен, происходивших в СССР в конце 80-х годов и связанных с трансформацией всех систем общественной жизни, включая политическую и партийную. Направленность этих перемен убедительно подтверждает, что политическое руководство страны взяло твердый курс на отказ от абсолютной монополии КПСС на власть. Последнее подтверждается и тем,

¹ Подробнее по этому вопросу см.: «Краткая хроника основных событий XX века», Фонд «Книжный союз», – М.: 2004, сс.208, 210–211, 225–226

что 10 апреля 1991 г. КПСС была зарегистрирована как общественная организация. Ни о какой «руководящей и направляющей роли» уже речь не шла. В общем, все свидетельствовало о том, что в СССР идет глубокая трансформация и политической, и партийной систем².

На реальную возможность такой трансформации указывали и указывают не только многие отечественные исследователи и политики, но и зарубежные. Сошлемся для убедительности на мнения и оценки нескольких достаточно авторитетных зарубежных авторов, известных специалистов-советологов. Речь идет, в частности, о *Стивене Коэне* – профессоре российских исследований в Нью-Йоркском университете и почетном профессоре политических наук в Принстонском университете, авторе целого ряда фундаментальных трудов об СССР и России; *Арчи Брауне* – профессоре политологии Оксфордского университета (Великобритания), также немало научных трудов посвятивших нашей стране, и *Джеке Ф.Мэтлоке* – видном американском дипломате, в 1983–1987 гг. – главном советнике президента Рейгана по вопросам отношений с Советским Союзом и после США в СССР в 1987–1991 гг. Ссылаясь на многочисленные факты, они доказывают в своих статьях, опубликованных в фундаментальной монографии «Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)»³, что *советская система была на самом деле реформируемой*.

Приводя в самом начале своего исследования мнения большинства западных комментаторов о том, что «советская система была нерформируема и, следовательно, обречена из-за присущих ей неисправимых дефектов» (с. 24), первый из названных авторов – Стивен Коэн, далее отмечает: «На самом деле не существует ни теоретических, ни концептуальных оснований утверждать, что советская система была нерформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обреченной» с самого начала горбачевских реформ» (с. 25). По убеждению Коэна, все 6 базовых институтов советской системы – *официальная и непреложная идеология; особо авторитарная правящая Коммунистическая партия; партийная диктатура во всем, что имеет отношение к политике, с опорой на силу политической полиции; общенациональная пирамида псевдodemократических Советов; монополистический контроль государства над экономикой и всей значимой собственностью; многонациональная федерация (или Союз) республик, являющаяся в действительности унитарным*

² Более подробно по этому вопросу см.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. – В двух книгах. – Кн. 1. – М.: АО «Издательство «Новости», 1995, сс. 413, 430–444, 548–556.

³ Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). – М.: Альпина бизнес Букс, 2005. (Учитывая большое число цитат из этой работы, ссылки на конкретные страницы этого труда даются непосредственно в тексте).

государством, управляемым из Москвы – все эти компоненты в годы перестройки находились в состоянии реформирования.

«К началу 1990-х, жесткие догмы сталинизма, а затем ленинизма, – пишет Коэн, – в основном уступили место социал-демократическим и другим прозападным «универсальным» убеждениям, которые мало чем отличались от либерально-демократических». «А главное, государственная идеология больше не являлась обязательной даже в таких некогда священных областях, как образование и официальная коммунистическая печать. «Плюрализм и убеждений, в том числе религиозных, был отныне официальным лозунгом момента и все более явной реальностью» (с. 28).

Еще более значительной реформой, по мнению Коэна, «стала ликвидация монополии Коммунистической партии в политической жизни, особенно в таких областях, как общественные дискуссии, подбор руководящих кадров и разработки политики» (с. 28). Результаты этой реформы были настолько велики (отмена цензуры, введение свободных выборов, создание настоящего парламента, свобода политических организаций и пр.), что Горбачев имел все основания заявить на съезде партии в 1990 г.: «Пришел конец монополии КПСС на власть и управление».

Размышляя далее о реформировании КПСС и партийной системы, Коэн пишет, что в самом начале 90-х годов все стороны понимали, что «КПСС «беременна» многопартийностью и что политический спектр нарождающихся партий простирается от анархистов до монархистов» (с. 34). «Раскол гигантской Коммунистической партии на две оппозиционных, как еще в 1985 г. тайно предлагал (и до сих пор в этом убежден) сподвижник Горбачева Александр Яковлев, был бы самым надежным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причем более прочной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века. При «цивилизованном разводе, подразумевавшем разное голосование по принципиальным вопросам, круг которых был определен горбачевской социал-демократической программой, стороны разошлись бы, сохранив за собой значительную долю членства, местных организаций, печатных органов и другого «общего имущества» КПСС. Обе партии немедленно стали бы крупнейшими и единственными общенациональными советскими партиями, чье влияние многократно превышало бы влияние дюжины тех «карликовых партий, которые испещрили российский политический ландшафт в последующие годы и которые, во всяком случае, многие из них, едва ли выходили за рамки московских квартир, в которых они были созданы. (Опираясь на данные одного закрытого исследования, Горбачев был уверен, что в новую партию за ним бы

последовало 5–7 миллионов членов КПСС)» (с. 34–35). Однако Горбачев, пишет Коэн, «не сумел создать или вычленил из КПСС то, что могло бы стать президентской партией, и это было его крупнейшей политической ошибкой» (с. 35). Обе партии, или оба крыла в случае распада КПСС, считает Коэн, были бы реформируемы (с. 36). Так же как государственная экономика и Советский Союз. «Многие западные специалисты, – утверждает он, – не только допускали, что советская экономика могла быть реформирована, но и предлагали свои собственные рецепты преобразований. Утверждения о нерформируемости были еще одной позднейшей выдумкой российских политиков (и их западных покровителей), решивших нанести фронтальный удар по старой системе с помощью «шоковой терапии» (с. 37).

Далее Коэн приводит конкретные реальные факты, подтверждающие его вывод о реформируемости советской экономической системы, начиная с принятия законодательства, необходимого для всесторонней экономической реформы и продолжая частными предприятиями под названием кооперативы, коммерческими банками и первыми биржами. В общем, все основные формы экономической деятельности современной России, как справедливо утверждает Коэн, зародились в годы пребывания у власти М. Горбачева.

В отношении реформирования СССР у Коэна такая же убедительная аргументация, как и по поводу институтов, упомянутых ранее.

Указывая на то, что большинство лидеров и элит национальных республик «желали сохранить Союз», Коэн далее упоминает о том, что это было ясно продемонстрировано в апреле 1991 г., вскоре после мартовского всесоюзного референдума, на котором свыше 75 % участвовавших в голосовании сказали «да» реформируемому Союзу. «Все это говорит о том, – пишет Коэн, – что распространенный аргумент, будто провал Ново-огаревской попытки спасти Союз доказал его нерформируемость, не имеет смысла. Переговоры были успешными; они проходили, как и другие реформы Горбачева, в рамках советской системы, имели легитимный статус и полномочия, делегированные им народным выбором на референдуме в марте, и велись признанным многонациональным руководством большей части страны. Ново-Огаревский процесс нужно рассматривать как разновидность «консенсуса элит» или пример «договорной практики», столь необходимой, по мнению многих политологов, для успешной демократической реформы политической системы» (с.42).

Готовый к подписанию 20 августа 1991 г. новый союзный договор, «не состоялся не потому, что Союз был нерформируемым, а потому, что небольшая группа

высокопоставленных чиновников в Москве организовала 19 августа вооруженный переворот с целью помешать его успешной реформе» (с.42–43). Шанс реформировать Союз оставался еще и после этого переворота. В октябре было подписано соглашение о новом экономическом союзе, 7 республик, включая Россию, продолжали переговоры, в результате которых 25 ноября была достигнута договоренность о новом Союзном договоре. Это был больше конфедеративный, чем федеративный договор, он все еще предусматривал союзное государство, общее президентство, единый парламент, экономику, армию. Однако через две недели, 8 декабря 1999 г., этот договор «также пал жертвой переворота, осуществленного на сей раз даже меньшим числом заговорщиков, но куда более решительно и успешно» (с.43). Под заговорщиками Коэн имеет в виду Бориса Ельцина, Леонида Кравчука и Станислава Шушкевича, которые, как он пишет на стр.42, «отменили Союз».

Общий вывод Стивена Коэна весьма примечателен. «Большинство западных специалистов долгое время было убеждено, – отмечает он, – что базовые институты советской системы были чересчур «тоталитарными» или иначе устроенными, чтобы быть способными к фундаментальному реформированию. На самом деле в системе с самого начала была заложена двойственность, делавшая ее потенциально реформируемой и даже готовой к реформам. С формальной точки зрения, в ней присутствовали все или почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия, федерация. Но внутри каждого из этих компонентов или наряду с ними присутствовали «противовесы», сводившие на нет их демократическое содержание. Наиболее важными из них были политическая монополия Коммунистической партии, безальтернативное голосование, цензура и политические репрессии. Все, что требовалось, чтобы начать процесс демократических реформ, – это желание и умение устранить эти противовесы» (с.44).

Двойственность институтов советской системы, заключает Коэн, «не только делала ее в высшей степени реформируемой, без нее, скорее всего, невозможна была бы мирная демократизация и другие преобразования эпохи Горбачева, во всяком случае, они не были бы столь стремительными и исторически значимыми» (с.45).

К сказанному Коэном следует добавить, что двойственность, о которой он обоснованно пишет, была присуща не только советскому тоталитаризму, но и другим. Присуща она также сохранившимся и ныне функционирующим тоталитарным государствам, поскольку все они **вынуждены** использовать демократические фасады-оболочки, в виде, например, конституций, «гарантирующих» права и свободы граждан,

прямых и честных «выборов» на безальтернативной основе и т.д. Как только система начинает давать сбои, фасад-оболочка трещит по швам, устои сначала расшатываются, а затем и рушатся, если не принимать никаких мер.

И вообще в недрах *любой* неэффективной системы формируются и причины, и предпосылки, ведущие к ее взрыву. Если, конечно, их вовремя не устранять. Едва ли, например, в России в феврале 1917 г., случилась бы вторая буржуазно-демократическая революция, если бы самодержавием и, прежде всего, Николаем II были сделаны соответствующие выводы из опыта революции 1905–1907 годов и если бы были приняты меры по устранению причин революции. То, что было сделано – создание Думы, введение некоторых ограниченных свобод граждан и пр., – было явно недостаточно, чтобы эти причины (и объективные, и субъективные) устранить. Поэтому замечание Козна о желании и умении устранить противовесы демократических реформ вполне уместно. У Николая II не было ни желания, ни умения устранять барьеры на пути демократических реформ.

Несмотря на то, что при любой абсолютной власти, включая самодержавную, от первого лица зависит очень многое, немало все же зависит и от соотношения сил в стране, от экономической ситуации, от внешних факторов и пр. Если, к примеру, экономическая ситуация в стране постоянно ухудшается и населению приходится терпеть все больше лишений, как это было в 1917 г. или в последние годы перестройки, то ни о какой поддержке не то что демократических, а вообще *каких-либо* преобразований говорить уже не придется. Так что экономическая ситуация в стране в годы реформ – это и альфа, и омега их общего успеха. Не трудно предсказать, что было бы с нынешними российскими реформами, если бы не исключительно благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура (прежде всего, высокие цены на нефть) и рост экономики. Цветные и цветочные (розовые и тюльпановые) «революции» вокруг России – более чем убедительное подтверждение тому, насколько важно состояние экономики, финансовое и материальное положение основной массы населения для успеха реформ. Наркоз увлекательной идеи (тоталитарной или демократической – не важно), обильно приправленный сладкими речами и программами, пусть даже убедительными и обоснованными, действует недолго, если пуст желудок, нет работы или за нее платят несоразмерно прилагаемым усилиям, если нельзя решить другие жизненно важные проблемы: рождения и воспитания детей, отдыха и т.д. Поэтому реформаторы, решаясь на преобразования и приступая к ним, должны, прежде всего, позаботиться об их финансово-экономическом обеспечении. Реальная ситуация, однако, как правило, этому не способствует.

Ухудшение положения в экономике обычно предшествует реформам, подталкивает к ним, является их основной причиной. Так было не только в СССР, но и во многих других странах. По этой причине реформаторам ничего не остается, как искать либо внешние источники для проведения реформ (займы, нередко, под немалые проценты, которые надо рано или поздно возвращать, разнообразную иную помощь), либо находить внутри страны непопулярные внеэкономические рычаги и инструменты: сокращать государственные расходы, в том числе на социальные нужды, применять насилие и пр.

Методика и технология реформ – тема отдельного большого исследования. Поэтому здесь отмечу лишь то, что от того, насколько искусны реформаторы в этом сложном деле, в немалой степени зависит успех реформ. Выходит, дело не только в ресурсах, но и в том, как ими пользоваться, особенно, когда они в дефиците.

На это обращают внимание многие исследователи, в том числе упоминавшиеся выше зарубежные. Мнения и оценки одного из них – Стивена Коэна были приведены мною достаточно подробно. Не менее убедительны и аргументированы суждения другого ученого – Арчи Брауна, который придерживается в целом тех же позиций, что и его американский коллега Коэн. В статье «Перестройка и пять трансформаций», опубликованной в уже упоминавшейся монографии «Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)», Браун достаточно подробно рассматривает процессы, проходившие в последние годы перестройки в каждой из пяти сфер, которые он считает наиболее важными: *1) демонтаж командной экономики; 2) переход от крайне авторитарной политической системы к политическому плюрализму; 3) прекращение холодной войны; 4) отказ от советской гегемонии в Восточной Европе; 5) распад Советского Союза (с. 49).*

При сравнении подходов Коэна и Брауна сразу же обращаешь внимание на то, что первый из них говорит о шести важных сферах, которые подверглись трансформации, а второй – о пяти. Но главное, разумеется, не это, а то, что Коэн анализирует все, что входит во внутреннюю жизнь и ни слова не говорит о внешнеполитической сфере. Браун же два из пяти факторов отвел именно этой сфере. Что же касается конкретных оценок и одного, и другого ученого, то они весьма близки. Браун, так же, как Коэн считает, что Советский Союз вполне можно было реформировать изнутри. «Совершенно ясно, – отмечает он, – что неправы были те, кто утверждал, что Советский Союз невозможно изменить изнутри, причем изменить радикально» (с. 49). Развал Союза, в котором «важную, а может быть, и решающую роль» сыграл Ельцин, прервал процесс трансформации СССР. «Было нечто

парадоксальное в заявлении Ельцина о «независимости» России от Союза. – пишет Браун. – В определенном смысле Союз был «большой Россией», и большинство россиян выступало за сохранение Советского Союза – причем как до, так и после его развала (исключением был лишь очень короткий период в конце 1991 г.). Поэтому заявление Ельцина о том, что российские Законы имеют верховенство над союзными и что Россия должна стремиться к «независимости», вряд ли отвечало долговременным интересам России. Ему это было нужно, потому что он рвался занять место Горбачева в Кремле, и эта задача была для него более приоритетной, чем сохранение большого Союза» (с. 60).

В отличие от реформы Советского Союза, о которой говорилось выше, с реформой советской экономики, по мнению Брауна, дела обстояли сложнее. По этой причине ученый *«до некоторой степени»* считает справедливыми «аргументы тех, кто говорит, что советская экономическая система была нерепформируемой» (с.51).

Относительно трансформации советской политической системы позиции Брауна также весьма сходны с позициями Коэна. Раскол КПСС на две партии – социал-демократическую и «истинных коммунистов», – по оценке Брауна, – «был бы оптимальный вариант создания системы, в которой партии соперничали бы друг с другом, имели бы массовую поддержку и, если бы имущество КПСС было бы разделено между партиями-преемницами, прочную финансовую базу» (с. 54).

Однако определенные сомнения по поводу благополучного исхода этого варианта у Брауна, в отличие от Коэна, все же остаются. Это сомнение вызвано вопросом: «возможен ли был столь открытый переход к партийной конкуренции по западному образцу на основании взаимной договоренности?» (с. 54).

Значительные сомнения сохранялись в течение всех лет перестройки у многих западных аналитиков, о чем весьма откровенно пишет в своей статье «Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985–1991)», также опубликованной в книге «Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)» Джек Ф. Мэтлок. Ссылаясь на аналитические доклады ЦРУ о положении дел в СССР и путях его развития, которые он обильно цитирует, Мэтлок отмечает, что центральными вопросами, на которые стремились ответить и ЦРУ, и другие американские службы, были, во-первых, вопросы о том, возможно ли вообще реформировать советскую систему, как далеко в своих реформах пойдет М. Горбачев и удержится ли он при этом у власти. Решающим, по мнению ЦРУ, был 1987 г., январский и июньский Пленумы ЦК КПСС. Именно январский Пленум «убедил аналитиков из американской разведки в том, что Горбачев действительно имеет в виду «системные преобразования» в

Советском Союзе. (Прежде аналитики считали, что его намерения ограничиваются изменениями, которые не затрагивают советскую систему власти). В докладе, представленном 11 марта 1987 года, то есть почти через полтора месяца после Пленума ЦК (а это наводит на мысль, что выводы доклада были сделаны после острой дискуссии), ЦРУ пришло к следующему выводу:

Горбачев пытается вдохнуть новую жизнь в институциональную структуру страны, чтобы устранить препятствия на пути успешного осуществления экономических реформ. Он ясно дал понять, что не имеет намерения ограничивать монополию партии на политическую власть или полномочия высшего руководства внутри партии. Его предложения были скорее направлены на придание системе большей энергии путем организации народного давления на консервативных чиновников на низовом уровне и создания у населения ощущения участия в политическом процессе»... (с. 158).

По мере того как менялась ситуация в СССР, менялись и оценки американских аналитиков. В декабре того же 1987 г., за несколько недель до приезда Горбачева в Вашингтон, ЦРУ выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка». В нем, в частности, говорилось: «Мы полагаем, что Горбачев убежден в том, что сумеет осуществить значительные изменения в системе, а не просто слегка подправить ее, поскольку он ставит перед собой далеко идущие внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи» (с. 159).

Далее в документе говорилось, что Горбачев «хочет создать «промежуточную систему», которая сохранит сущностные черты ленинской системы (верховенство коммунистической партии и стратегический контроль над основными направлениями экономики), одновременно встраивая в нее подходы, невиданные в СССР с 20-х годов, в частности, политическую атмосферу большей терпимости к разнообразию мнений и их обсуждению, менее репрессивную среду существования для советских граждан, больший простор для рыночных сил в экономике и в определенной степени – экономическую конкуренцию» (с.160).

Наиболее вероятным результатом реформ Горбачева, по мнению аналитиков ЦРУ, «могло стать *обновление существующей системы*». Вместе с тем они считали маловероятным, что «Горбачеву удастся пойти дальше *оздоровления* и провести так называемую «системную реформу» (с.160). Тем не менее, вероятность такой реформы полностью не исключалась, но ее шансы оценивались как один к трем. Поворот к *демократическому социализму*, предполагавший движение к рыночной экономике и

плюралистическому обществу, был, считали специалисты ЦРУ, «практически невозможным» (с.161).

По мере того как ситуация в СССР осложнялась и напряжение в стране росло, оценки американских аналитиков становились все более пессимистическими. «Успех усилий Горбачева по модернизации советского общества при одновременном сохранении федерации представляется все более проблематичным», – сообщал Мэтлок государственному секретарю США Джеймсу Бейкеру в мае 1990 г. (с. 168).

В конце апреля 1991 г. аналитический отдел ЦРУ, занимающийся Советским Союзом, выпустил доклад под названием «Кипящий советский котел», один из выводов которого гласил: «В такой ситуации увеличивающегося хаоса все более возрастает вероятность взрывного развития событий» (с.171). Вместе с тем в нем отмечалось, что «организованная попытка восстановления полномасштабной диктатуры «привела бы к полной катастрофе»... (там же).

Та траектория развития событий и трансформации коммунистической политической системы, которую избрал Горбачев, к началу 90-х годов все более превращалась в пунктирную линию, пока, наконец, события августа и декабря 1991 г. (путч ГКЧП и сговор в Беловежской пуще) не поставили на ней жирный крест. В годы правления Б.Ельцина события развивались уже по другому сценарию.

Таким образом, если коротко резюмировать сказанное выше, надо будет констатировать, что *трансформация тоталитарных партийных и политических систем – дело, хотя и очень сложное, но достаточно реальное.* Дальнейшее будет зависеть от того, как преобразованные системы будут взаимодействовать между собой.

Переход к новому общественно-политическому устройству влечет за собой и изменение типа взаимоотношений и взаимодействий между политической системой, в первую очередь, государством и правящей партией. Если партия способна адекватно реагировать на изменения в настроениях и запросах общества, понимает особенности времени и состояние внешнего мира, она, скорее всего, будет способна возглавить трансформацию и одновременно самообновиться, и наоборот. Судьба ее также будет известна в обоих случаях. Но в любом случае это будет непростая судьба. К сказанному следует добавить, что, решаясь на радикальную трансформацию, партия должна быть готова и к тому, что рядом с ней должны неизбежно появиться другие мощные силы, оппоненты, также претендующие на первые роли.

Для правящей тоталитарной партии такая ситуация – это момент истины, момент проверки на зрелость и прочность, умение выживать. Это также момент крайнего напряжения всех сил, прежде всего интеллектуальных. Фактически в этот момент

партия испытывается, образно говоря, на способность и готовность наступить на горло собственной, такой родной, привычной, тоталитарной песни, чтобы, переродившись, выжить. И поскольку в любой партии, но особенно тоталитарной, всегда есть ортодоксальные и консервативные силы, без ожесточенной борьбы такой переворот (на самом деле идейно-политическая революция) произойти не может. Победа консервативных сил – это путь к полному банкротству партии и потере ее абсолютной власти. Пример КПСС показал это весьма убедительно.

К этому прибавилась еще и трагедия распада страны, резкого многократного падения уровня жизни абсолютного большинства ее граждан и многие другие беды.

Триумф реформаторов открывает дорогу обновлению, перспективе трансформации и партии, и политической системы в целом, всех сфер государственной и общественной жизни. Дорога, ведущая к обновлению, разумеется, также не усыпана розами, реформы сложны и дорогостоящи, но все это не идет ни в какое сравнение с трагедией, берущей начало в победе консервативных сил.

Что же необходимо для того, чтобы в тоталитарной партии возобладали реформаторы, а не консерваторы? Необходима, прежде всего, ясная программа действий, основанная на глубоком и всестороннем анализе альтернатив развития. Безусловно, необходимо также, чтобы в эту программу искренне верили те, кто понимает, что без обновления партии, ее глубокого реформирования невозможна и модернизация политической системы. Партия – ядро системы, ее основной двигатель. Поэтому начинать надо именно с ее обновления. Давая себе при этом отчет, что может случиться и раскол партии на разные фракции. Если организационное единство сохранить невозможно, то надо смело решаться на размежевание.

Здесь будет, пожалуй, уместно упомянуть о том, как на рассматриваемую нами проблему смотрит инициатор советской перестройки М.С.Горбачев. Анализируя 20 лет спустя уроки и ошибки, допущенные им во второй половине 80-х годов, он не раз подчеркивал, что основная ошибка состояла в *нереформировании партии*. Это «ключевой вопрос: судьба партии. Тем более в наших условиях, когда партия была правящей. Да, здесь лежат многие ошибки»⁴. Многие из того, что случилось негативного в СССР в конце 80-х годов (например, в области межнациональных отношений), «не произошло бы, если бы раньше занялись реформированием партии»⁵.

Отвечая на вопрос, «чем были обусловлены те процессы, которые привели к созданию РКП и других течений внутри КПСС», Горбачев отметил: «Сложный вопрос.

⁴ Горбачев М.С., Славин Б.Ф. Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М.С.Горбачева с политологом Б.Ф.Славиным. – Изд. 2-е, доп. – М.: Международные отношения. 2005. с.82.

⁵ Там же, с. 81.

Это результат борьбы реформаторских сил с противниками реформ, но также отражение различных интересов. Готовившаяся новая программа партии носила, по сути дела, социал-демократический характер. Она была одобрена на пленуме в июле 1991 года. Мы думали провести съезд в ноябре и размежеваться с различными партийными течениями, возникшими в КПСС. Тогда бы с необходимостью возникли коммунистическая партия, социал-демократическая, либеральная. Это был бы нормальный процесс».

Развивая тему о процессах внутри КПСС собеседник М.С. Горбачева Б.Ф. Славин обратил внимание на то, что «КПСС к тому времени уже фактически состояла из нескольких партий радикально левого и социал-демократического толка». «Да, – подтвердил М.Горбачев, – КПСС к тому времени скорее была движением, а в нем несколько течений: Тюлькина, Нины Андреевой, демократическая платформа, платформа Крючкова и т.д.»⁶.

К вопросу о фракциях и течениях в КПСС М.С.Горбачев обращался, как уже отмечалось выше, не раз. «КПСС надо было распускать, – говорил он, в частности, в интервью «Новой газете» по случаю 20-летия перестройки. – И пусть бы отряды партии, о которых я говорил, шли своим путем, сами по себе. Я уже говорил, что на том самом пленуме в течение считанных минут более 100 человек записались вместе с Горбачевым уходить из ЦК. И если бы дальше этот процесс пошел – я имею в виду уход с пленума, – большинство было бы со мной»⁷.

В итоговом докладе Горбачев-Фонда «Перестройка: двадцать лет спустя», изданном в апреле 2005 г., в разделе «Противоречия и ошибки. Историческое значение перестройки», его авторы приходят к выводу, что допущенные в годы перестройки ошибки «серьезно усугубили ситуацию». Разделив их на «институциональные и административные», авторы отнесли к первой группе «неудачу реформаторского руководства СССР и КПСС с созданием собственной политической структуры (читай партии – Я.П.) и устойчивой массовой базы».

«Хорошо известно, – говорится далее в докладе, – что СССР был «партийным государством», где политико-идеологическая инстанция в лице КПСС и государственные институты были неразрывно переплетены и взаимосвязаны, так что ослабление партии автоматически влекло за собой прогрессирующий паралич государства. Трудно отрицать: несмотря на свою явную недемократичность, этот специфический способ организации власти сыграл немалую роль в модернизации

⁶ Там же, с.34.

⁷ Новая газета, 2005. 14 апреля. № 27.

СССР. Партия-государство оказалась довольно эффективным субъектом мобилизационного, ускоренного развития, хотя за это пришлось заплатить огромную цену народных лишений и страданий»⁸.

По оценке авторов доклада, партия «только внешне выглядела несокрушимым монолитом». Втягивая «в свои ряды людей самых разных политических взглядов и идеологических убеждений», она на самом деле представляла собой «конгломерат различных политико-идеологических групп: от жестких сталинистов до скрывавших свои взгляды антикоммунистов»⁹.

С «государством КПСС» – наследием уходящей эпохи – мы, по мнению авторов доклада, «не могли двигаться вперед, не могли развиваться, но и отринуть его означало подвергнуть страну и общество риску дестабилизации из-за кризиса управляемости и сопротивления консервативной и «бешеной (реакционной частей партийного аппарата»¹⁰.

Называя сложившееся противоречие сущностным и даже трагическим, авторы увидели выход из ситуации в инициированном партийным руководством расколе КПСС и организационном оформлении на ее базе партии социал-демократического типа. «В случае раскола, – уверены авторы, – основная часть членов партии (вне зависимости от их политических взглядов) и ключевые ресурсы мощной организации ушли бы вместе с руководством. Прочно укоренившаяся в советской компартии традиция, когда массы следуют за вождями, сыграла бы решающую роль. На июльском 1991 г. Пленуме ЦК КПСС именно эта идея была положена в основу политической линии. Однако августовский путч похоронил ее, равно как и новый Союзный договор»¹¹.

Хотя авторы доклада явно идеализируют и упрощают возможное развитие ситуации после раскола КПСС (далеко не факт, что *основная часть* ее членов последовала бы за вождями), тем не менее, доля истины в их рассуждениях есть. Если бы даже на базе КПСС образовались 2-3 партии (например, левая и правая социал-демократические и ортодоксально-коммунистическая), то шанс модернизации у нее был бы. И, соответственно, открылся бы шанс для модернизации всей политической системы¹².

⁸ Горбачев М.С., Славин Б.Ф. Цит. произв., с. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с.28.

¹¹ Там же.

¹² «Чтобы преуспеть в условиях жесткой конкурентной борьбы с другими силами, – отмечает В. Кувалдин в одной из своих статей, посвященных 20-летию перестройки, – партия в своем политическом развитии не должна была отставать от общества. Можно было стимулировать развитие внутрипартийной демократии на базе платформ, течений, фракций. Не страшен был и возможный

Но поскольку ядро системы – партия – было в 1991 г. разрушено, постольку и сама система сразу же стала рассыпаться. На это обращают внимание многие исследователи и, в частности, тот же В. Кувалдин, который пишет, что вскоре после создания некоего подобия современных представительных институтов и возрождения российского парламентаризма «обнаружились серьезные изъяны предложенной конструкции. Партия отключается от рычагов управления, лишённые стержня органы власти утрачивают эффективность, государственный корабль теряет устойчивость. Запущенные политической реформой процессы быстро выходят из-под контроля перестроечного руководства»¹³.

Остается открытым вопрос, смогла бы партия, расколовшись на два или больше частей, продолжать выполнение роли несущей конструкции или, иначе говоря, остова всей политической системы, одновременно реформируя эту систему? Это могло бы произойти, очевидно, лишь в том случае, если бы основная ее часть ушла за реформаторами.

Другой не менее (если не более) важный вопрос заключается в том, в каком направлении могли бы развиваться события? Далеко не факт, что они развивались бы именно в демократическом направлении. Учитывая то состояние, в котором длительное историческое время находилось общество и, прежде всего, отсутствие демократических традиций, потребовалось бы не одно десятилетие, чтобы создать сначала фундамент демократии, а затем возвести на нем и само демократическое здание.

Какими категориями охарактеризовать то переходное состояние, в котором должна была находиться в это время страна? Политологи и другие аналитики придумали самые разные определения для такой демократии: управляемая, направляемая, дирижистская, ограниченная и т.д., забывая при этом о том, что при отсутствии самого фундамента демократии едва ли можно говорить о ее существовании и тем более давать ей какие-то определения.

Как же в таком случае охарактеризовать переходное состояние от тоталитаризма к демократии? На мой взгляд, как состояние, при котором закладываются *основы демократического устройства общественно-политической жизни*. При этом весьма важно, какая партийная система формируется и кто (политическая элита, высшая государственная бюрократия или партийная элита) контролирует и реализует планы,

«цивилизованный развод» на социал-демократическую и гораздо более традиционалистскую (коммунистическую) партии. Он мог бы заложить основу двухпартийной системы, что оптимально для президентской республики». Ж-л. «Политический класс». 2005. №3. с. 39.

¹³ Там же.

связанные с демократической трансформацией политической системы. В любом случае этот процесс и переходный период в целом будут непростыми и нелегкими.

Некоторые выводы

Переход от тоталитаризма к авторитаризму, с последующим развитием событий в направлении демократии, или, говоря коротко, переходные периоды истории, представляют для исследователя особый интерес. Огромное значение они имеют и для реальных политиков. Главным образом из-за неоднозначности и противоречивости самих переходных процессов. Борьба нового против старого – это всегда очень сложная и тяжелая борьба с неопределенным исходом. Консерватизм любой устоявшейся системы, будь-то политическая или партийная, настолько велик, что бороться с ней зарождающейся новой всегда трудно, а результат далеко не всегда предопределен. Хотя бы потому, что прежняя политическая система стремится сохранить свои позиции и сформировать новую партийную систему под себя. Их взаимоотношения в данном случае будут, как минимум, сложными, противоречивыми, а как максимум – враждебными, антагонистическими. Именно это мы и наблюдаем сейчас у нас в России, а также в большинстве так называемых транзитных стран. Если же, к тому же, переходный период сопровождается ухудшением положения основной массы населения, как это произошло, к примеру, у нас, ностальгия по «старым добрым временам» становится мощной опорой и питательной средой для сил реванша и консерваторов. В этих условиях реформаторам приходится нередко двигаться не только вперед, но и назад. При этом шаги вперед не всегда длиннее, чем назад.

Кроме названных причин есть еще ряд других, также осложняющих переход транзитных стран к демократии. Одна из них – необходимость поиска собственной модели демократии и увязка ее с общепринятыми в мире нормами народовластия. Особенности демократического пути любой страны вытекают из ее исторического опыта, характерных цивилизационных черт, традиций взаимоотношений власти и общества и др. Но принципы есть принципы, и ценности есть ценности. Им необходимо следовать в любой стране. Поэтому самое сложное – это приспособление принципов и ценностей к реалиям страны и характеру ее народа.